

МОСКВА, АВГУСТ 1932г. Цена 25 коп.

КРОКОДИЛ

№ 23

Этот номер „КРОКОДИЛ“ выходит в 3-х изданиях: основном, ленинградском и урало-сибирском.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

УРАЛО-СИБИРСКОЕ ИЗДАНИЕ

Л. Бродаты

ПОСЛЕ РАЗГОНА ПРУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

С.-Д. ГРЖЕЗИНСКИЙ: — Не понимаю, почему эти массы волнуются. Ведь и я теперь безработный. А вот призываю к спокойствию.

ЖАРА

Я СИДЕЛ около стола заведующего и ждал своей очереди. Нас посетителей было трое. Стояла июльская жара. Та непереносная жара, от которой люди балдеют.

И заведующий и первый посетитель явно пострадали от жары. На просьбу о кровельном железе заведующий понес какую-то чепуху.

— Ах, железо, железо! Сколько железа в крымском винограде! Лежишь это в Ялте на пяти санаторных койках с 15 августа по 15 сентября и вкушаешь по два кило в день...

Посетитель, вместо того чтобы выправить разговор, тоже метнулся в сторону.

— А в Анапе — на трех койках! Какой великолепный пляж!

— Да, но не тот виноград! Нет в нем железа, я категорически заявляю — железа нет. Ялта — другое дело. И пять, а не три.

— Честное слово, вы меня раздеваете!

— Ничего не поделаешь, — жара. Я протер глаза. Никто никого не раздевал.

— Что за наводнение? Спятели они, что ли? Я ждал дальнейших объяснений. Но посетитель вдруг встал, как будто кончил дело:

— Деваться некуда — идет!

Он потряс завью руку, забрал кепку, портфель и ушел, вполне довольный. Что он хотел сказать последней фразой, догадаться невозможно.

Второй пододвинулся поближе и заявил: — Досок пятидесяти двух-миллиметровых две тысячи.

— Ух, как жарко, — вздохнул зав, — и откуда такая жара. Не иначе, как на такую жару нужно сто кубометров сухих березовых дров.

Я взглянул на посетителя. Я ждал, что он возмутится нелепым поворотом беседы, но посетитель деловым тоном ответил:

— У нас одна сосна. Березы и звания нет. Встречается дуб, но мало.

Этот, очевидно, метнулся к своей дачной местности.

— Ну, тогда, сами понимаете, — улыбнулся зав, — такую температуру не нагонишь сосновыми. Тогда не сто, а сто десять кубометров.

— Вещь невозможная. И так РКИ может нагнать нам жару. Сто, так сто.

— Ладно, зато доставьте привет супруге! „Обалдел, честное слово обалдел!“

А посетитель как ни в чем не бывало: — Доставлю. Значит, доставка моя?

— Ну, конечно, вам удобнее. Я тоже с нею не знаком.

— Идет.

И этот пожал руку и ушел удовлетворенный, совсем забыв про свои доски.

Настала моя очередь. Я не ожидал ничего хорошего. Все-таки робко спросил:

— Мне бы фанеры? Листов триста...

Зав обмахнулся платочком.

— Немыслимая жарница. Теперь хорошо бы чайку с карамелью, да с кислнкой! Эдак яшика два. Можно и простого сахара.

— Простите, — робко возразил я, — я про фанеру спрашиваю. а вы мне про карамель. Ничего не понимаю. А что касается жары, то включите вентилятор.

Зав посмотрел на меня внимательно и включил вентилятор. Струя свежего воздуха зашестела бумажками на столе. И вдруг свершилось чудо: зав пришел в себя и заговорил нормальным совторгслужбным языком:

— Забыл, совсем забыл. То-то я стал заговариваться. Извините, — жарко. А фанеры у нас сейчас нет. Совсем ни одного листа. Зайдите завтра, нет лучше деньков через десять.

— Хорошо, непременно зайду, а то без фанеры, как без рук...

Признаться, я даже обрадовался, что все обошлось благополучно и человек не погиб от жары окончательно.

„А все же, — подумал я, уходя, — не следует ли людей, столь чувствительных к жаре, держать в местах более прохладных“.

Б. Самооков.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОБЕДА

Бор. Ефимов

„СЕРДЕЧНОЕ СОГЛАШЕНИЕ“ МЕЖДУ АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ ДОСТИГНУТО.

(Агентство Гавас).

ДРЕБЕЗГИ

ДИКОЕ И РУЧНОЕ

Фашистский террор в Пруссии достиг таких размеров, что

„даже днем боевые группы фашистов кидают в рабочие общежития ручные гранаты“.

Удивительный народ эти фашисты! Сами дикари и поступки у них дикие, а если и есть у них что-нибудь ручное — так это только гранаты!

ПЛОХОЙ КЛЕВ

Лето — оно, конечно, располагает. Поэтому и на оттавской конференции

„делегаты вместо заседаний преимущественно купались и ловили рыбу“.

И, повидимому, неудачно, потому что клев был плохой. Даже на канадское предложение о бойкоте советских товаров никто не клюнул. А уж, кажется, какая хорошая приманка была!

ОПАСНЫЕ ПОКОЙНИКИ

Губернатор штата Цинциннати запретил печатание

„книг *Виргилия, Платона, Аристотеля и Гомера, как писателей язычников*“.

Овидия и Плутарха цинциннатский губернатор не тронул, так как наверное принял за знакомых спиртных контрабандистов и, на всякий случай, побоялся лишиться законной доли прибыли.

КАЗЕННАЯ НАИВНОСТЬ

Голландские газеты только теперь стали кричать о том, что место, где проживает Вильгельм,

„сделалось центром монархической пропаганды в Европе“.

Это запоздалое удивление напоминает открытие диккенского кондуктора, увидевшего у себя на пятке чирий и воскликнувшего:

— Странно! А ведь я думал, что это родинка!

ЗУБНАЯ ДИАЛЕКТИКА

В Париже один из крупных дантистов отказался

„лечить зубы больному на том основании, что больной — коммунист“.

Очевидно, Гитлер в Берлине того же мнения, что и парижский дантист: „Мы не позволим коммунистам, — сказал он, — показывать нам зубы“.

Очевидно, коммунистические зубы крепко сидят в печенках у буржуазии.

КОГДА мне выговор выносят
За то, что сорван промфинплан,
И на собраниях поносят
И обижают мой карман;
Когда честит меня газета,
За то, что я умножил брак,
И с приложением портрета
Дает мне кличку — „совдурак“, —

Где я найду поддержку? Где?
В моем позоре и беде
Мне утешение семья,
И быт семейный славлю я:

— Ах, семейный очаг —
Нашей жизни рычаг,
И домашний обед
Нас спасает от бед!

Когда удастся мне по дружбе
Костюм без ордера урвать
И по протекции на службе
Себя раз пять премировать;
Когда, пустивши в ход сноровку,
Я ловко обошел приказ
И получил командировку
На осень в Крым и на Кавказ, —

Где я могу похвастать? Где?
В моем успехе и труде
Мне утешение семья,
И быт семейный славлю я:

— Ах, семейный очаг —
Нашей жизни рычаг,
И домашний обед
Нас спасает от бед!

При выдвиженьи, при сниженьи,
Болят ли там иль ломит тут,
В любом и каждом положеньи
Семейный нужен нам уют.
Когда я сыт, а выпить не с кем
Иль, скажем, в карты мне везет
Иль рассказали мне еврейский
Прелюбопытный анекдот, —

С кем поделиться? Как и где?
В сомненьи, в радости, в беде
Мне верный друг моя семья,
И быт семейный славлю я:

— Ах, семейный очаг —
Нашей жизни рычаг,
И домашний обед
Нас спасает от бед!

Пускай кругом все жены служат, —
Я не велел служить жене.
Моя жена — всегда при муже,
И если служит, — только мне.
Пускай ругают быт семейный
И пишут против именин,
Пускай смеются. Я — идейный
И убежденный семьянин.

К социализму труден путь,
В пути — приятно отдохнуть;
И я, как путник у ручья,
Кричу: „Да здравствует семья!“

— Ах, семейный очаг —
Нашей жизни рычаг,
И домашний обед
Нас спасает от бед!

Вас. Лебедев-Кумач.

Брем утверждает, что способ собирания кокосов частенько кончается для обезьян весьма печально. Орехи, которые сыплются в результате сотрясения пальмы, падают обезьяне на голову, причиняя животному ощутительную боль. Так утверждает Брем.

Аналогичный случай имеет место в Европе. Способ выколачивания репараций с Германии изобилует большими трудностями.

КРОКОДИЛ № 25
СПЕЦИАЛЬНЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ

ТЩЕТНЫЕ ПОИСКИ

МНЕ не повезло. Несмотря на самые тщательные поиски, я не нашел в жизни ни одного арапа.

Впрочем, как будет видно из дальнейшего, повинен в своей неудаче не я один. Меня утешает, что вместе со мной целый ряд людей, к которым я обращался, тоже стал в тупик.

Уж кто, кто, а товарищ Саламандров мне представлялся самым надежным путеводителем по арапам.

Он — газетный работник. Изо дня в день перед ним проходит пестрая галерея человеческих типов.

Я уже заранее воображал, как Саламандров, деловито почесав нос, скажет:

— Тебе арапа надо? Изволь.

В поисках этого дефицитного товара я пришел к Саламандрову. Он деловито почесал нос и сказал:

— Кого тебе надо? Арапа? Гм?.. Что такое арап? Ах, да... Арап — это... Да-да понимаю... Нет, знаешь, не найдешь. В нашей действительности арапов нет и не может быть.

В это время в комнату вошел блондин с волосами, сползавшими на нос.

— Ты меня звал?

Они принялись толковать о каких-то портретах ударников. Насколько я понял, завтра в номере должна была итти статья о достижениях с портретами.

Саламандров упрекал Иванова в том, что он своевременно не позаботился о достижениях. Портреты есть, а достижения не готовы.

— Где достижения, я тебя спрашиваю? — кричал Саламандров.

— К вечеру будут. Я заказал. Бактин и Запоров обещали достать к семи.

— К семи? — уничтожающе ревел Саламандров. — А в семь мы уже должны сдать последний набор! К семи! А когда же перестукают на машинке?

Иванов смущенно пыхтел.

— Я же не знал, что страница пойдет завтра...

— Не знал? А если Рычагов сейчас звонил, чтобы обязательно была завтра!

Далее я был свидетелем счастливой минуты.

В комнату вошли двое, один — в шубе, другой — в пальто.

Иванов стремительно кинулся к ним:

— Принесли?

— Пять ударников и две ударницы. На два номера хватит!

— Ну, наконец-то! Давайте скорее сюда... скорее, чорт вас!

Исписанные листки молниеносно перекочевали в руки Иванова и Саламандрова, и я видел, с какой бешеной быстротой их глаза запрыгали, словно мячики, по ухабам строчек.

— В переписку! Живо! — скомандовал Саламандров.

— Значит, завтра мы даем семь ударников с портретами. Так. А где фотографии?

— Фотографии?.. Фотографии, наверное, у тебя в столе.

— У меня?

— Ну да. Ты же вчера их смотрел.

— Я смотрел?!

Саламандров полез в стол, откуда, как из рога изобилия, летели газеты, вырезки, ножницы, талоны, спички, пригласительные билеты. Под конец выскочила консервная банка, доставленная при заметке "Консервы с волосами", и стол был совершенно выпотрошен.

— Нет! — ледяным голосом сказал Саламандров, словно кол вогнал в могилу.

И снова наполнили тучи. Снова атмосфера стала грозной.

Я выскользнул в коридор и решил обождать в сторонке. Мимо меня несколько раз пробежали то Иванов, то Саламандров. Повидимому, буря затянулась. Просвета не чувствовалось. Но вот снова промчался Иванов. Назад он возвращался спокойно, как корабль, достигший тихой пристани, где бур-

ные водяные валы вдруг сменяет ровная зеркальная гладь.

— Обошлось? — спросил я.

— Все в порядке.

Теперь я мог вернуться к моим поискам. Я вошел к Саламандрову. Он выправлял рукопись.

— Ну и горячка тут у вас! — сказал я, сочувственно подсаживаясь к столу.

— С ума сойти можно, — сказал Саламандров. — Слово в воду кануло пять фотографий! Кто их слязил, ума не приложу...

— Нашли все-таки?

— Ни чорта не нашли. Да в сущности это не так важно. Я возмущался принципиально.

— Конечно, можно без фотографий.

— Достижения без фотографий? Он посмотрел на меня, как на человека с луны. И мне стало неловко: такой простой вещи не понимаю! Конечно, нельзя без фотографий.

— Но как же, если их нет? — глупо спросил я.

— Ерунда. Я отобрал из старых пять мужчин, двух женщин, сойдет. Тем более в печати получается неясно. А если заметят, что борода чужая или усы, — можно петитом дать объяснения, поправку, дескать, случайно заверстали не то... Ну, вот теперь я в твоем распоряжении.

Я повторил свою просьбу. Он задумался.

— Это, брат, задача. Это надо подумать.

Он думал. Я ждал, поглядывая на грудку фотографий, раскиданных по столу.

Затем его вызвали куда-то. Уходя, он сказал мне:

— Никого такого у меня нет на примете. По-моему, в нашей действительности и не может быть никаких арапов.

Иван Прутков.

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ

Дагкустпромсоюз, препровождая в редакцию бессмысленное письмо всесоюзного галантерейного парфюмерного отраслевого объединения Центросоюза СССР, жалобно спрашивает: на каком языке оно написано?..

Не утруждаясь чрезмерно,

даем ответ в одной строке:

На канцелярски-парфюмерно-галантерейном языке.

БАРАН И СОЛОВЕЙ

В ЛЕСУ, прослушав пенье соловья, Баран, критически поднявши оба уха, Изрек глубокомысленно и сухо:

— Что говорить, приятель для слуха!..

Но... надобна ль кому эмоция твоя?!

Скажу по совести: ты — неплохой певец...

Чем в одиночку петь на ветке,

Ты мог бы, на худой конец,

По восемнадцатиградусной сетке

Устроиться... хотя б в ГОМЭЦ.

Да, милый мой, тебе пора на птичник, —

С эстрады проявлять экстаз!

А то, оторванный от музыкальных масс,

Живя в лесу, как сыч-единоличник,

Ты в технике дошел до выкрутас!

Задорно ты выводишь "тру-ля-ля",

Но в них звучит подход оппортуниста!

Красивы у тебя свирели свиста,

Когда поешь про море, тополя,

Но это все — на вкус идеалиста!..

Без диалектики — не техника, а скрип,

Без Либединского — не одолеть препоны:

На верхнем "соль" — глиэрный перегиб,

На нижнем "фа" — троцкистские уклоны!

Не нужно мне Шопена или Листа, —

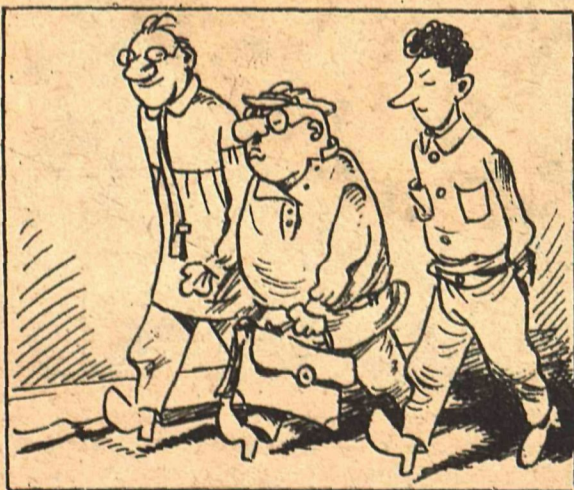
Поддай мне барабаны Ковалева,

Чтоб я в твоём мажорном "ля"

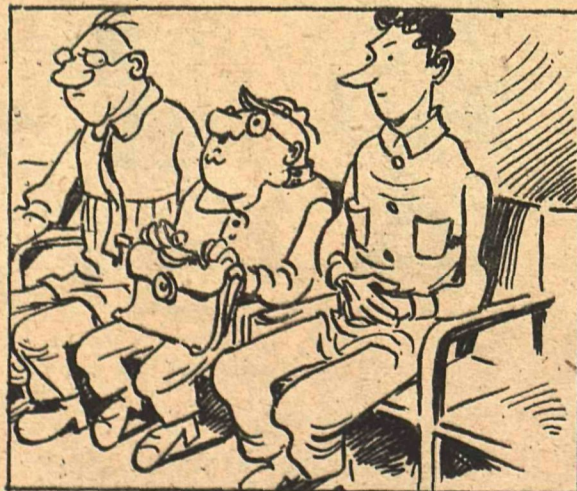
Прочувствовал ученого-марксиста!

Альба.

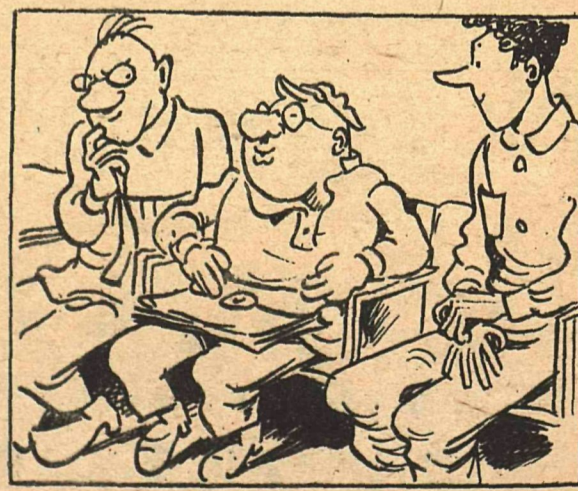
Б. Антоновский

1. На просмотр новой комедии был приглашен уважаемый представитель реперткома. Режиссер и директор театра очень волновались: "Что-то скажет дорогой гость".

2. Спектакль начался.

3. К концу первого акта...

НЕСКОЛЬКО ПЕЧАЛЬНЫХ СЛОВ ПО ВОПРО...

Голобедитель

Фельетон Ф. Толстевского

ВСЕ ГОВОРИЛИ, что это мистика. И что же это в самом деле? Стоит квартира о трех комнатах со всеми удобствами (как пишется в объявлении: „Ц. о., солн. стор., 2-й эт., возможен вариант“) и никто ее не занимает. И не стремится занять. Голая мистика! Не что иное!

— Может, квартира недостаточно роскошная? Да нет же, повторяем: „Ц. о., все уд., изол., собств. тел.“

— Может быть, из окон открывается непривлекательный вид, например голая стена или выжженная солнцем пустыня? Нет! И вид хорош. Окна на Петровку. Потоки автобусов, потоки пешеходов, воздушные потоки, наконец!

— Может быть, квартира запечатана, может быть, из-за нее идет судебный процесс и закон в задумчивости: кому бы ее присудить — отдельному лицу или какой-нибудь организации?

И это не то. Просто пустует квартира, и удивительное дело, никто не рискует туда в'ехать. По московским квартирным условиям событие, конечно, мистическое, что бы там Главлит ни говорил.

А если кто и в'езжал, то больше двух дней в квартире не удерживался, живо сматывался на периферию и долго еще отдыхал где-нибудь на птицезаготовках, с дрожью вспоминая о страшной квартире.

Нужно прямо сказать, в квартире, на 42 квадратных метрах полезной площади, обитало привидение.

Мы знаем, со стороны как организаций, так и отдельных лиц поступают звуки протеста. Откуда привидение? Не подло ли личка потрепателя изящной словесности такими баснями?

Но вы спросите дворника того дома. Дворник все знает и всему свидетель. Вся история пошла от дворника.

— В'ехал тут один. Не обрадовался. В первую же ночь с него привидение толстовку сорвало. Жилец — в домоуправление. Просит принять меры против такого хулиганства. А какие могут быть меры? Нет мер насчет привидения! Что там во вторую ночь вышло, не знаю, только наутро смельчак выбыл отдыхать в неизвестном направлении. Даже фикус любимый бросил. Сейчас фикус в домовом клубе стоит, согласно постановлению соц.-быт. комиссии. А квартира опять пустая.

Особенно любил дворник рассказывать про какого-то отчаянного жильца, который польстился на кубатуру.

— С такими удобствами, говорит, можно потерпеть. Еще, говорит, неизвестно, что ужаснее — призрак или вредные соседи. На худой конец подружусь, говорит, с этим нематериальным телом, постараюсь найти с ним общий

язык, модус, говорит, вивенди. Был там модус или не было, однако ж чуть стемнело, подошло к нему привидение и стало его членские книжки читать. 18 книжек. Всю ночь шуршало книжками и хохотало. Что оно там нашло смешного, — неизвестно. В общем, приходит жилец в домоуправление и тихо умоляет: „У меня, говорит, небольшой нервный шок случился, так что покорнейше прошу выписать меня из домовой книги. Теперь, говорит, мне всю жизнь надо лечиться электризацией и слабыми токами“. Вот тебе и вивенди!

Прав был дворник или не прав, но в квартире действительно никто не мог удержаться. Мешали потусторонние силы. Но все же этому безобразному явлению был положен конец.

Иллюстрация К. Елисеева

Появился новый кандидат на квартиру — некто Борджиев. На него дворник даже смотреть не хотел.

— Этот и до рассвета не продержится. И не таких привидение обламывало.

Дворник до сих пор неспокоен, когда вспоминает про Борджиева.

— Такой с виду отрицательный тип, а смотрите, что наделал. Главное, мягкой мебели у него было много, всяких пуфиков и козеток. Целый день возил. Вот дурак, думаю, завтра же все назад повезет. Утром — жду. Нет, не везет. И еще сам стоит в окне, прихорашивается, подтяжки подстегивает. „Как, спрашиваю, спали? Не собираетесь ли куда на периферию отдохнуть?“ — Отвечает, что спал, спасибо, хорошо. „Явлений, спрашиваю, никаких не было?“ — „Нет, говорит, спасибо, не наблюдалось“.

В этом месте дворник обязательно начинает волноваться.

— И чем взял, главное! Мягкой мебелью! Потом все стало известно. Борджиев впоследствии похвалялся на общем собрании членов жакта: „От меня, говорит, не то что призраки, от меня вся семья ушла. Я хоть кого могу выжить“.

Выяснилось, что едва привидение присело на пуфик, чтобы начать свои хамские манипуляции, как вдруг что-то его укусило. Так укусило, что привидение чуть не заплакало. Так, во всяком случае, уверял дворник.

— В общем, дело известное — клопы! Терзали они привидение всю ночь. А Борджиев спит, сны смотрит, человек привычный, не призрак какой-нибудь.

По сообщению дворника, вторая ночь для привидения была решающей. События приняли такой стремительный характер, что привидение выскочило на площадку и стало биться в соседские двери, вымалывая скипидар. Ему еще в прежней, материальной жизни говорили, что скипидар помогает.

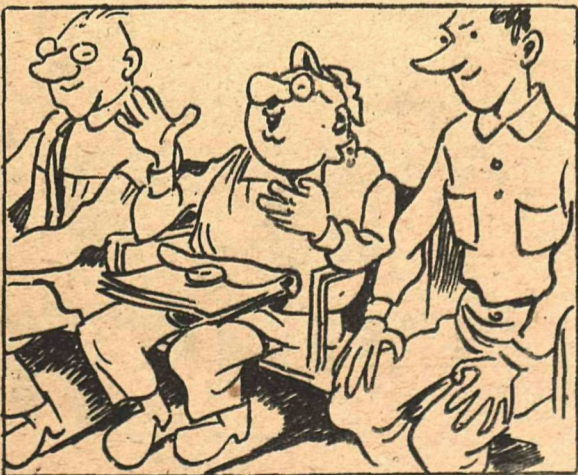
И такое оно стало жалкое, что никто его не испугался, даже приняли его за нищего и бессердечно отказали.

В словах дворника слышалось некое сочувствие к бедному нематериальному телу.

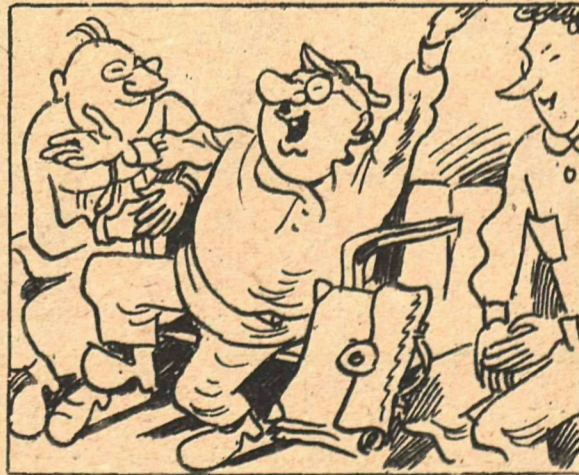
— Так и погибло привидение. Назад к Борджиеву — не рискнуло. Никаких нервов нехватало бы против борджиевских клопов. Надо полагать, сгнуло наше привидение где-нибудь под забором. Так что санитария и гигиена — это одно, а без клопов по-настоящему все-таки спокойно не проживешь.

Ф. Толстевский.

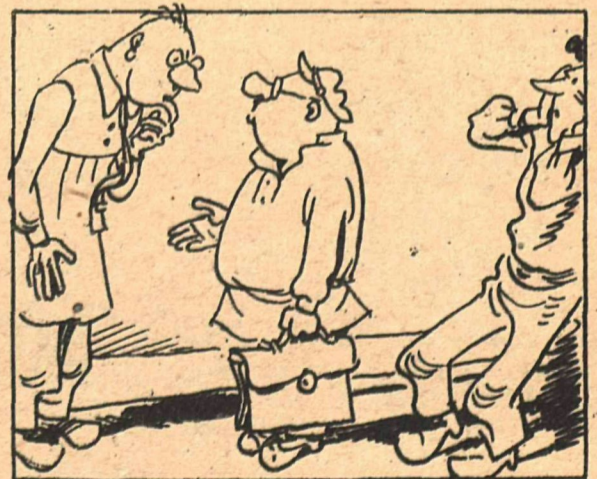
СУ О ВЕСЕЛОЙ СОВЕТСКОЙ КОМЕДИИ

4. Во время второго акта.

5. К концу пьесы.

6. — Ну что? — с тревогой спросил режиссер по окончании просмотра. — Видите ли, — сказал дорогой гость, — над вашей комедией может смеяться только пошляк или мелкий буржуа. Я не ре-ко-жен-ду-ю!

Рис. М. Храпковского

Я — ВРАЧ. На утренней службе я принимаю 50 человек, на вечерней службе — еще 50. Кажется, достаточно. Кажется, я имею право вечером отдохнуть, почитать, позаниматься.

Но обитатели моей десятипримусовой квартиры думают иначе. Они меня, видимо, считают таким же предметом общего пользования, как электричество или канализация.

Поднимаюсь по лестнице, встречаю соседку Таню Рязанову.

— Вот хорошо, доктор, что я вас встретила! — радуется она. — И где это вы целые дни пропадаете? Скажите, после гриппа бывают осложнения на носу?

— Бывают, — устало роняю я, шагая через три ступеньки.

На мой звонок дверь отворяет толстенький Вульфсон.

— А, доктор! Жду вас, как манны небесной! Посмотрите-ка это у меня не свинка?

— Наверное, свинка, — говорю я, не глядя. — Компрессы.

Когда я захожу в ванную умыться, ко мне пристаёт долговязый Иконников. Он бывший семинарист и смутно помнит латынь.

— Эскулапу — низайше! — бает он. — Плохо себя чувствую, доктор. Ощущаю приближение вторичного приступа этого... как его... экзитус леталис, кажется. Какие меры пресечения рекомендуете?

На пороге уборной меня перехватывает гражданка Косоротова.

— Одну минутку, доктор. Как освободитесь, зайдите посмотреть моего старика. Боюсь, не корь ли у него. Ну, не буду вас задерживать. Я вас тут обожду.

Особенно обширная практика ожидает меня на кухне, где я пытаюсь пристроить и свой примус. Тут от меня требуют консультации по всем болезням как существующим, так и предполагаемым. Маленькая Леля желает знать, почему ее чижик второй день ничего не ест. Приходит и весь обвязанный Вульфсон.

— Ага, вы опять тут? Ну, вот, положил компресс, как вы сказали, но он что-то не помогает. Свинка остается свинкой. Не верю я что-то в вашу медицину.

За ужином меня зовут к телефону.

— Это ты, Миша? — говорит сестра жены. — Я очень взволнована. У Раички на шейке появился какой-то странный прыщик. Как ты думаешь, это не может быть дифтерит? Или менингит? Может быть, заедешь?

— Это прыщик, — говорю я, — припудри. Пока...

Ночью меня будят.

— Доктор, в шестнадцатой квартире с женщиной что-то неладно. Окажите срочную помощь!

— Вызывайте «Скорую помощь».

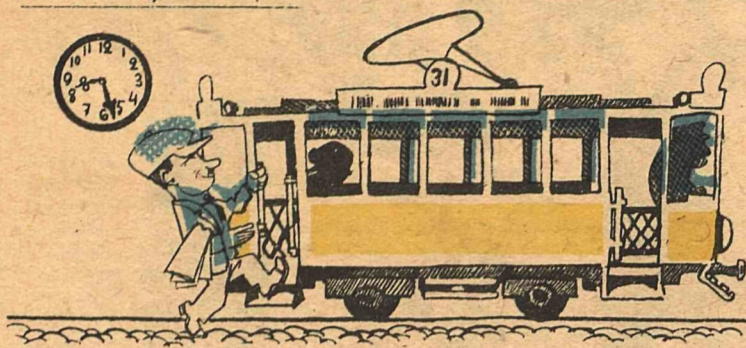
— Ну, неудобно беспокоить «Скорую помощь» по пустякам!

— А если по пустякам, так убирайтесь к чорту!

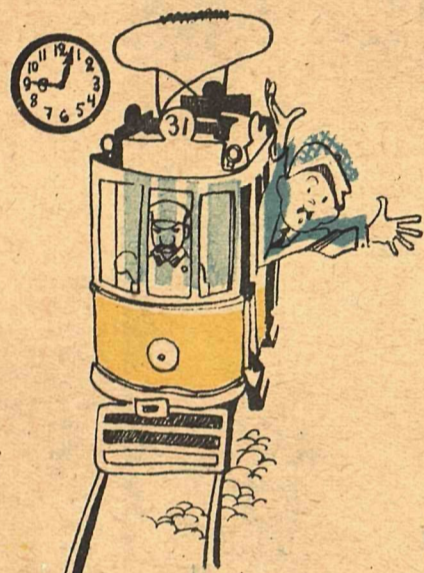
Он долго еще грозит за дверью всевозможными организациями.

Сон разбит.

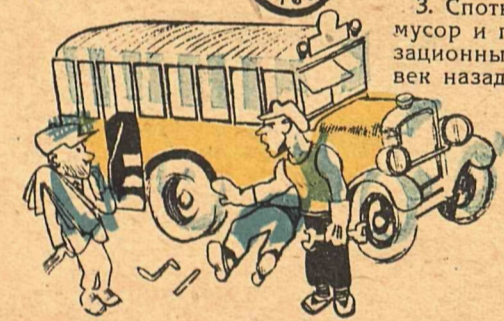
Как быть?

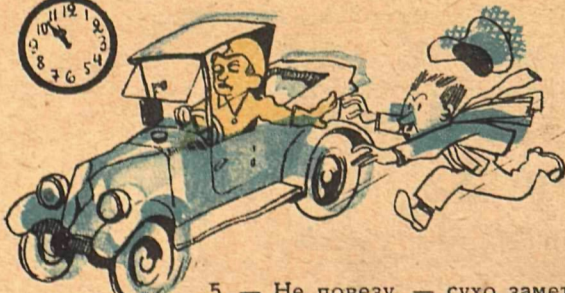
1. Жизнь прекрасна, а слово человек звучит гордо. Как писали в старинных романах, — был прекрасный день, когда... Начнем и мы так: был прекрасный выходной день, когда человек (это звучит гордо) решил развлечься. Неслыханное счастье — трамвай был почти пуст.

2. Плача от радости, человек влез в вагон, но уже вскоре заметил, что он не так счастлив, как ему это казалось. Трамвай шел совсем не в ту сторону. По странному капризу МГЖД маршрут был изменен, о чем кондуктор пассажирам не сообщил. О! Кондуктор — это звучит гордо!

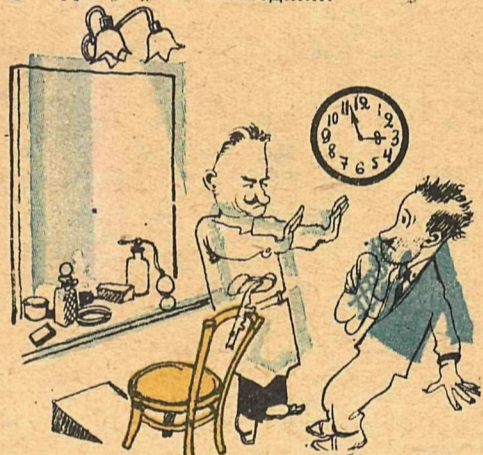
4. — Будьте благонадежны, — сказал шофер, — автобус не пойдет. Идите, будьте благонадежны, пешком. И в самом деле, пешеход — это звучит гордо. Но все же человек соблазнился такси. Захотелось ему жить лучезарно.

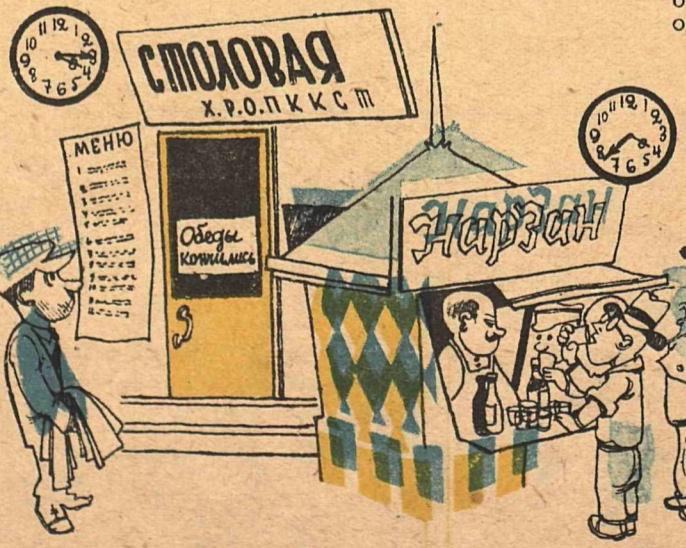
5. — Не повезу, — сухо заметил шофер. — Не по дороге. — Откуда же вы знаете, что не по дороге! — взмолился человек. — Ведь я еще даже не сказал, куда мне надо. — Все равно не по дороге. Человек (это звучит гордо) не знал того, что шоферу нужно показывать растопыренную пятерню. Это означает пять рублей чаевых.

6. Титаническая борьба с городским транспортом вызвала в человеке желание освежиться. Как приятно вдохнуть в себя одеколонный ветер и познакомиться с другими различными штуками, которые «не роскошь, а гигиеническое средство». Из-за этого стоит произнести роковую фразу: «Кто последний?»

7. Но когда очередь дошла до человека, парикмахер отстранил его, сказавши с горечью: — Я, гражданин, не железный. Не каменный. Мне тоже обедать надо. Разве парикмахер — это не звучит гордо?

9. Очисти человек от пищи. мог пред «Рыбы и сажирски вому, тра дание 185

10. Того ловек — эт в голову в кино. К мысль пр менно еш от блест отказатьс

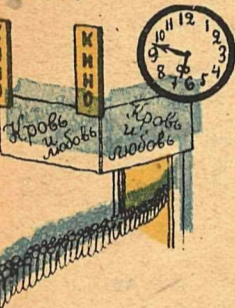
Текст Ф. Т.

ценный, пустой и легкий решил записать духовной. Однако книжный киоск положить только брошюры гады и „Расписание пашх дилижансов по почто-кту Москва—Казань“ (из-77 года).

11. Зато в Парке культуры было просторно. А возле оркестра, на площади в 8 га, вообще никого не было, очевидно, по той причине, что исполнялась симфоническая сюита „Пляски шурупов и водопроводных труб“ — произведение с индустриальным уклоном.

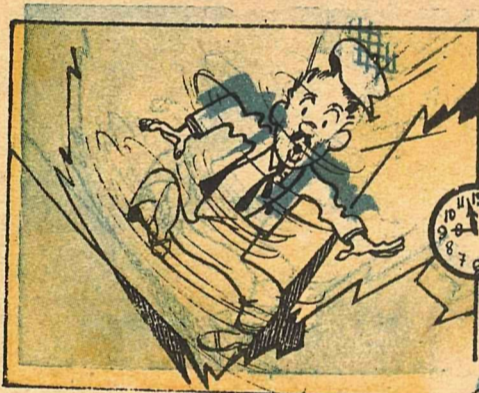
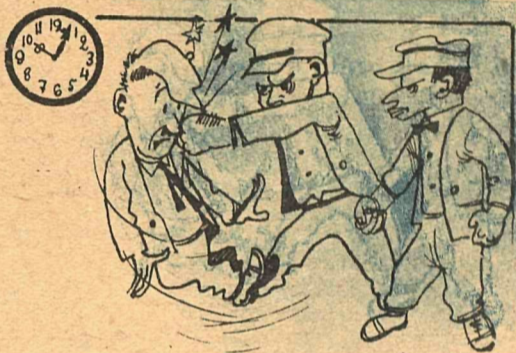

12. По пути к аттракционам, где человек собирался отвести душу, произошел внеплановый аттракцион.

— Прогуливаешься? — спросили человека два других человека с широкими плечами.

— Прогуливаюсь, — ответил человек, болезненно улыбаясь.

Выяснив это обстоятельство, незнакомцы сделали свои выводы, что и изображено на картинке.

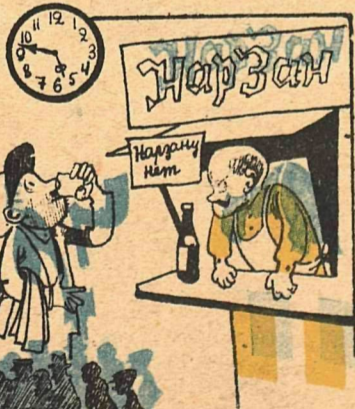

13. После всего пережитого „Комната ужаса“ вызвала в человеке ангельскую улыбку. Он веселился от всей души.

14. Но зато он понял, что такое настоящий ужас, когда решил отправиться домой трамваем.

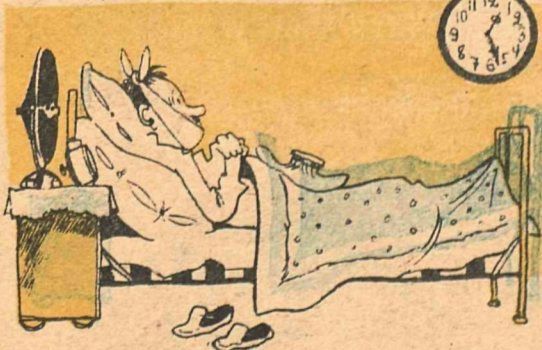
да человеку (все-таки чего звучит гордо) пришла блестящая мысль: пойти. Но так как аналогичная ишла в голову одновременно двум тысячам граждан, этой идеи пришлось...

8. Человек вдруг понял, что он и сам не железный, а равно и не каменный. Ему тоже захотелось ввести в организм некоторое количество калорий и витаминов. Но калории уже кончились. Осталось одно — включиться в очередь к палатке минеральных вод.

Но откуда человек подвигался вперед, поочередно истощались запасы: а) нарзана, б) боржома и в) ситро. Осталось только г) баталинская — слабительная.

Пришлось навалиться на баталинскую.

15. Дома, улегшись в постель, он включил радио. И бархатный, доброжелательный голос немедленно произнес:

— С культурно-бытовым обслуживанием все обстоит благополучно.

— Фу, прямо гора с плеч! — сказал человек. И он уснул успокоенный.

ДИРЕКТОР Сортсемтреста, органа, снабжающего совхозы Уральской области, находился в тяжелом затруднении.

В трест прислали ящик ботинок. При других обстоятельствах такой инцидент вызвал бы, конечно, в тресте бурное торжество и припадок распределительного энтузиазма между заслуженными.

Ничего подобного в данном случае в тресте не наблюдалось.

И по той простой причине, что присланные ботинки представляли собой жалкую и вредительскую пародию на эту принадлежность туалета.

Каждый ботинок весил 8 с половиной фунтов (точно), верх его был сооружен из гнилой, рыжей, высохшей, потрескавшейся и толстой, как мозоль, кожи. Низ, наоборот, состоял из мелких, крохотных квадратных кусочков, набитых друг на друга огромными дюймовыми гвоздями. Каблук отскакивал от ботинка уже при простом внимательном взгляде на него и никакой обратной установке не поддавался. Вместо шнурков на этих страшных, гранитоподобных бамбулах болтались обрывки толстых пеньковых веревок, вместо аккуратных дырочек красовались прорезанные ножом скважины.

Сначала директор пытался продать ботинки по дешевой цене. Но так как каждому сотруднику треста было очевидно, что подобные атрибуты возможно носить только чугунной статуе, а отнюдь не человеку, то от покупки все организованно воздержались.

Тогда директор объявил, что ботинки будут выданы в качестве премии, показавшим лучшие результаты в соревновании и ударничестве.

Через неделю после объявления соцсоревнование в тресте начало катастрофически снижаться.

Директор попытался потихоньку вынести ящик с ботинками из треста и подбросить их соседнему предприятию.

Но так как слава об этих мастодонтовых ботинках гуляла по городу, то ящик завтра же снова доставили в Семтрест с приложением счетов за перевозку.

Директор пал духом и отчаялся. Ботинки издавали запах гнилой кожи и ворвани и лежали чугунным грузом на балансе треста.

Тогда седой, как лунь, и хитрый, как хорек, главбух треста нашел выход.

По его предложению директор Сортсемтреста отправил ботинки как ценную статью снабжения в Варгашинский совхоз, Уральской области, с указанием, что за каждую пару этой неслыханной и небывалой дряни должно взимать с ударников совхоза 24 рубля 45 копеек.

Возмущенные и негодующие варгашиинцы запаковали пару „ботинок“ и прислали ее в „Крокодил“, где она и лежит в назидание потомству и в вечное поношение bestолковым спекулянтам из Сортсемтреста.

Наше предложение: обязать ответственных головотяпов из Сортсемтреста в принудительном порядке носить эти так называемые „ботинки“ в течение года. Пусть попробуют!

ЛЕТО НАСТУПАЕТ не сразу. Сначала в универмагах появляется большой выбор мехов и пьексов для лыж. Потом на шоссе возникают рабкоры, меланхолически записывающие номера государственных машин, которые мчатся к зеленым лесным массивам. И только после этого начинается великое переселение людей и вещей.

Грузовики, дыша тяжело, как астматики, покорно тащат вековые комоды, складные кровати, корыта и фикусы.

На окнах дач появляются занавески, и стелется едкий дым от сосновых шишек, которыми разжигают первый самовар.

В Зудельном все шло по шаблону. В лесу горланили пьяные, воры очистили первые десять ледников, в выходные дни густо пошел гость. Хозяева гостеприимно улегали в леса.

Так и прошло бы это лето, ничем не отмеченное в истории нашего города, если бы Иван Иванович не поссорился бы с Иваном Никифоровичем.

Дни стояли знойные и удушливые. Начались лесные пожары. Казалось, достаточно было одной искры, чтобы разгорелась склока. И она, действительно, разгорелась.

Так и не удалось выяснить, что было тому причиной. Нето Иван Иванович за преферансом неосновательно обремизил Ивана Никифоровича, нето домработница Ивана Никифоровича взяла на леднике сметану из банки Ивана Ивановича.

Достоверно известно только, что Иван Иванович зловеще фыркнул, и уже на следующее утро на участке застучали топоры плотников. Иван Иванович разочаровался в друге и отгораживался от внешнего мира забором. Забор был обыкновенный и скромный, соответствующий невысоким чинам Ивана Ивановича.

Когда Иван Никифорович, встав ото сна, вышел по-привычке любоваться сельским пейзажем, он даже поперхнулся от неожиданности: новый сосновый забор нагло загораживал вид на его любимые заливные луга.

— Экая мерзость! — подумал Иван Никифорович и немедленно призвал своих плотников. — Такой же ставить? — наивно спросили плотники.

Иван Никифорович даже обиделся: — Чин у меня другой. Подымай выше! Плотники подняли выше. И на следующий день забор, до которого сооружение Ивана Ивановича могло дотянуться только став на цыпочки, опоясал дачу Ивана Никифоровича.

С этого все и началось.

Вокруг стояли дачи. В дачах жили чины.

„Чем же я хуже Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем? — подумал помуправделами, — да и вообще противно, когда на всех дачах известно, что тебе подают на обед“.

— И

помуправделами вымахал перед своей дачей щегольский забор, украшенный фантастической бахромой из дефицитных гвоздей.

Заборы положительно вошли в моду.

— Сеня, — угрожающе шипела жена своего мужа, — с тобой никто считаться не будет. Посмотри, какие заборы у всех соседей. Только мы одни беззаборные.

И Сеня покорно ставил забор. Для того чтобы с ним больше считались, он густо окрашивал его масляной краской.

Дальше — больше. Заборы росли не по дням, а по часам. Они казались обелисками, уходя в небо все выше и выше. И хотя дачи стояли в бору, из-за заборов не видно стало леса.

К концу лета из-за заборов виднелась только крона одной самой высокой вековой сосны и то только потому, что председатель треста уехал на юг и дача его пустовала.

Зудельчане очень гордились своим строительством, и когда председатель правления вернулся из отпуска, сразу же пригласили его на дачу.

— Зудельного не узнаете, — гордо рассказывал по дороге помуправделами, — прямо не Зудельное, а Зудельстрой.

Председатель недоверчиво улыбался.

Но когда въехали в Зудельное и дорога пошла между уходящими в небо заборами, улыбка сошла с руководящего чела.

— Позвольте, а к чему же все это наворочено?..

Провожатые испуганно переглянулись между собой и замолчали.

— И кому такое идиотство могло взбрести в голову? — вышел из себя председатель, — взяла и загородила природу... Снести! Немедленно снести!

И он немедленно отбыл в город, даже не откушав предложенного чая.

Началась паника. Через два часа Зудельное напоминало огромное здание, которое спешно сбрасывало с себя леса. Грохот поднялся такой, что воронье не на шутку перепугалось и снялось с насиженных мест.

Каждый старался снести свой забор первым. Они падали, как подкошенные. Когда сосны облегченно вздохнули и перед зудельчанами вновь замаячили просторы дальних заливных лугов, начали искать виновника.

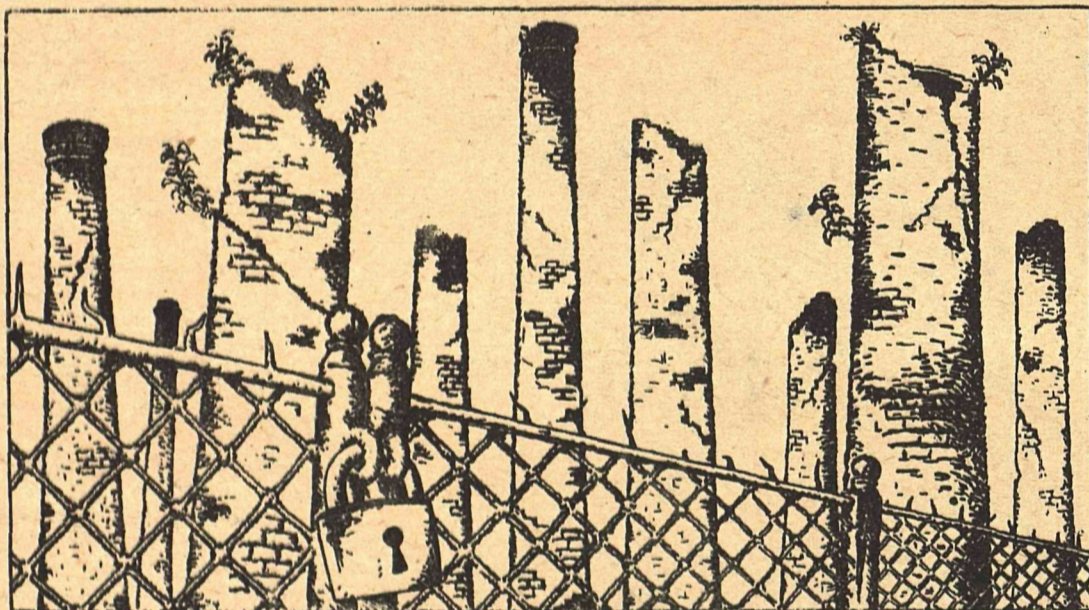
— А кто же все-таки первый придумал эту галиматью? — допытывались все друг у друга. Созвали даже чрезвычайное общее собрание. Все отмежевывались от заборов с еще большим усердием, чем накануне отмежевывались этими же заборами от своих соседей.

Никто не признавался. Тогда Иван Никифорович показал на Ивана Ивановича. Его и назначили виновником.

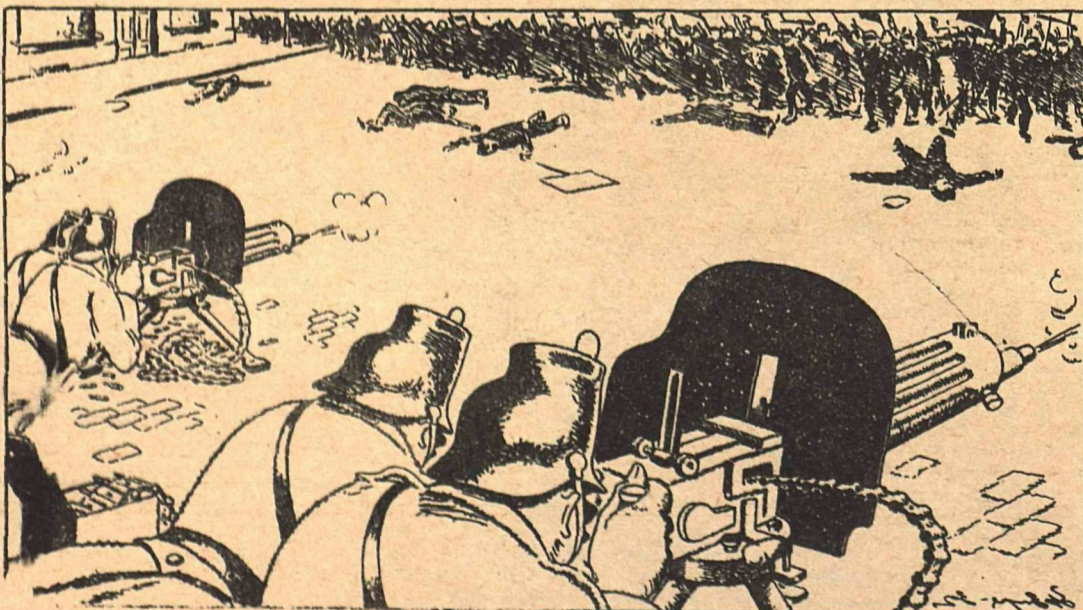
Лес рубят, щепки летят. Полетел Иван Иванович, хотя забор у него был самый низкий, самый скромный и самый соответствующий его невысоким чинам.

Абрага.

П. Зоря (читатель „Крокодила“)

ЧЕМ МЕНЬШЕ ДЫМА...

...ТЕМ БОЛЬШЕ ОГНЯ.

КАЛЕНДАРЬ „КРОКОДИЛА“

ЛУГАНСК. В рабкоопе идет усиленная дискуссия о прополочной кампании. Волна бездействия перекадилась на профсоюзные и партийные организации. Рабочие усиленно готовятся к перевыборам правления.

КЕРЧЬ. На заводе им. Войкова — значительное похолодание в области составления шихты. Наш сейсмограф отметил отсутствие человека, ответственного за шихту.

ТУАПСЕ. На 5 нефтеперегонном заводе в ЗРК ожидают осадки. Повышенный интерес к разведению кроликов будет после дождика в четверг.

ЧЕРНАССКИЙ район Сев.-кавк. края. В рисовом совхозе прохладно! 5.500 га рисовых культур, несмотря на потоки словесного дождя, остаются без орошения и прополки. Попутный ветер возможно кой-кому позволит выбраться из совхоза в самом ближайшем будущем. Грозные явления ожидаются несколько позднее.

САМАРА. В ряде зерносовхозов руководители выжидают у моря погоды. Выехав на курорты, они вместо машин ремонтируют себя.

Ожидается в недалеком будущем перемена погоды... и некоторых руководителей зерносовхозов.

В. А.

ТВЕРДАЯ ПОСТАНОВКА

СЕКРЕТАРЬ ячейки экскаваторной базы Земстроя тов. Филатов явно недоволен и пылью, которая тоннами ложится на его голову при первой попытке высунуться из помещения, и жарой, которая не меньшим грузом лежит, не стесняясь, расстоянием и прикрытием.

Из окон видны как будто ленивые движения экскаватора № 11, ряды наполняемых им вагонеток, беспрерывно откатывавшихся и исчезающих в неопределимом из окон направлении. Экскаватор действовал, как часы, вагонетки бежали, как секундная стрелка. Товарищ Филатов наблюдал рассеянно привычное зрелище. Но даже и привычное зрелище в такую жару оказывается развлекательнее, чем просто жара. Товарищ Филатов стал присматриваться:

— Чисто работает. И вагонетки загружены, и четкость есть...

Через десять минут созерцания у Филатова вырвался вздох зависти:

— Ишь, чорт! И жара его не берет... На пыль — и не смотрит!..

Мысли двигались медленнее, чем лапа экскаватора, но двигались. Жарко, лениво и пыльно придвинулись они к объяснению вопроса, — почему же человек жары не боится, а работает на полный ход?

Решение было подсказано обидой, досадой и полной размягченностью:

— Больше всех ему нужно... Рвач!

На этой неожиданной точке в ячейку явились начальник конторы Катульский и предпостройкома Мухин.

— Сидишь? — стер со лба ладонью пот Мухин.

— Наблюдаю за рваческими настроениями рабочей массы! — солидно и горько отозвался товарищ Филатов. — Прими меры. В административном порядке. Надо вот этого супчика-голубчика под обмер взять. Зарывается.

— Одиннадцатый? — глянул в окно Катульский. — Ладно, сделаем.

Несколько дней спустя в помещение партачейки явился машинист экскаватора № 11 тов. Кириенко.

— Что скажешь? — хмуро спросил тов. Филатов.

— А то, что десятники обмеривают.

— На то они и поставлены, чтобы обмеривать.

— Мерять, — да! Обмеривать не полагается.

— Это не факт. Расскажи факты.

— Факты вот они: у меня вагонетка принимает не меньше 2,5 кубометра твердого тела, а десятник пишет полтора. Это — факт.

— Это не факт. Ты не рвачеством занимайся, а факты давай.

— Меня хронометражисты проверяли, — вот тебе факт.

— Может, у него, у хронометражиста-то часы отставали. Мне неизвестно. Это тоже не факт.

Тут и товарищ Мухин приступил к разговору:

— Толковый ты человек, Кириенко, а несознательный. Мы с рвачеством боремся в полном объеме. Ну, скажем, обсчитали тебя. Так ты что же, на рожон должен лезть? Нет, претерпеть должен, потому что это в порядке борьбы с рвачеством. Смирись, Кириенко!

Почему-то испугавшийся Кириенко продолжал наступление:

— Этого-то я так не оставлю и добыю своего. А теперь объясните, почему десятники при обмерах не сообщают бригадиру выработку?

— Опять, чтобы бузы не было. Выработали — и ладно. А сколько, это уж в порядке борьбы с рвачеством будет подочтено.

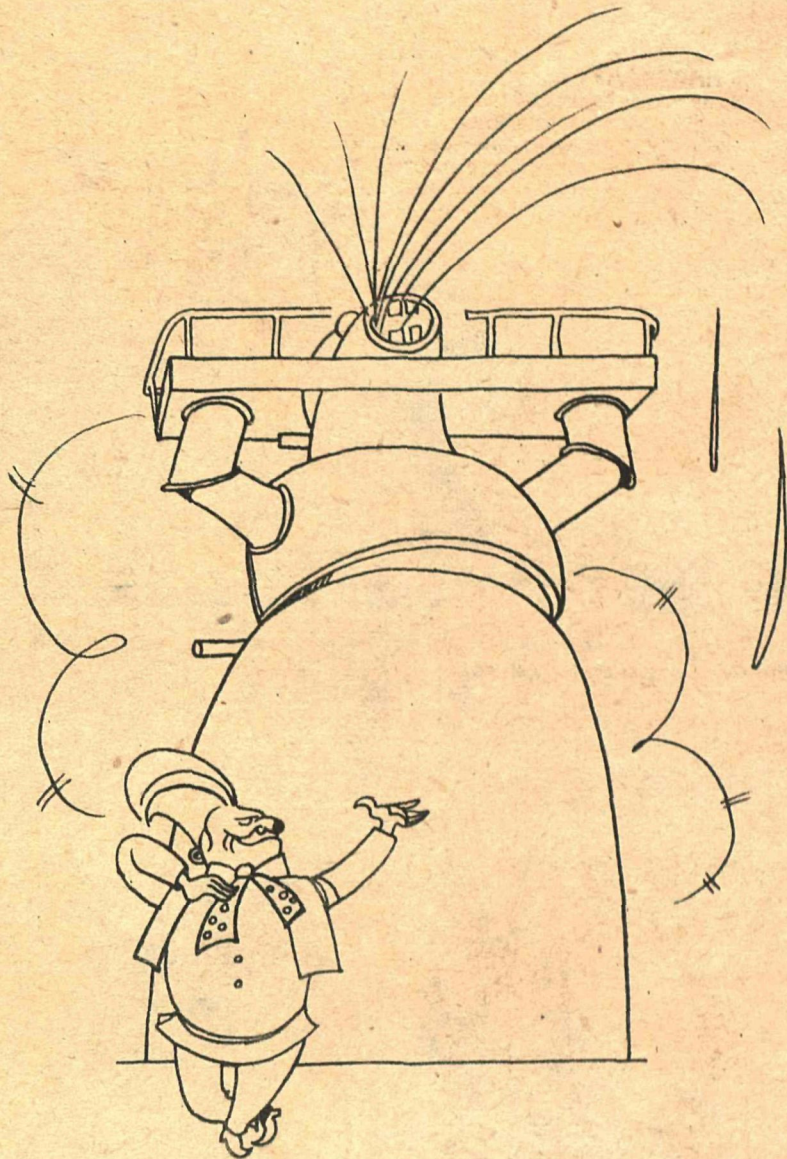
Отдохнувший товарищ Филатов резюмировал:

— В общем — создадим комиссию. Она разберет. Иди, Кириенко.

За последние дни не раз Магнитогорск навещал высокий по здешним местам гость — проливной дождь. Пыль прибило, жара как будто спала. Может быть, товарищ Кириенко, отразится это и на „борьбе с рвачеством“? Будем надеяться вместе с вами.

Влап.

В. Брискин

— А здорово это я написал: „Похожая на повариху домна выплевывает в небо фонтаны стали“.

ЗАПИСКИ ИТЕЭРОВЦА

20 июня. — Прочитал в „Магнитогорском рабочем“ постановление бюро горкома ВКП (б) о культурно-бытовом обслуживании ИТР. Хорошо напечатала газета, напечатала под лестным заголовком: „Активным борцам социалистической стройки — неослабное внимание“. Прочитал с большим удовольствием и удовлетворением.

28 июня. — С завтрашнего дня начинается прикрепление к столовой при общежитии ИТР, которое (общежитие, конечно) раньше называлось Центральной гостиницей. Хорошо, что заранее. А то бывало дня два без обеда сидишь, пока прикрепят. Теперь проще будет. В постановлении бюро горкома сказано: „Очистить контингент столовых ИТР от лиц, не имеющих к ним отношения“.

3 июля. — Пока хожу голодный. В целях улучшения быта создана комиссия по прикреплению из представителей горомбита, столовой и, кажется, управления по быту. Пришел в комиссию, комиссия посылает в горомбит к товарищу Терехову. Товарищ хороший, только очень внимательный:

— Не могу, говорит, я вас прикрепить, товарищ! Может быть, вы и-те-эровец-то липовый, а может быть, наоборот, — проявили себя, как говорится в постановлении, „подлинным ударником и героем стройки“. Как же я вас прикреплю? Если вы липа — гнать вас в шею, если „подлинный“ — вам полагается преимущественное снабжение! Как же я вас прикреплю?

8 июля. — Пока, в порядке улучшения быта, голодаю: хожу из комиссии к Терехову, от Терехова к начальнику быта товарищу Дегтярю, от него — в комиссию с приказом прикрепиться, а из комиссии опять к Терехову. Товарищ Дегтярь обещал на-днях созвать междудеPARTMENTAL совещание... Что ж, поголодаем!

10 июля. — Был у товарища Терехова. Товарищ Терехов сообщил, что прикрепление закончилось, столовая переполнена. Все спокойно. Иду к Дегтярю.

12 июля. — Прикрепился и ем. Кормят очень сытно, но, извиняюсь... мучаюсь с желудком. Впрочем, на миру, как говорится, и расстройство желудка красно: все и-те-эров-

цы, живущие в гостинице, мучаются. А ведь готовят чисто и из свежих продуктов! Неужели просто об'едаемся? Казалось бы, не с чего!

15 июля. — Все разъяснилось, — пища, повар и кухня ни при чем. Это просто, в порядке улучшения быта, в буфете при столовой „Нарзан“, „Ессентуки“ и вообще всю столовую минеральную воду заменили минеральной же, но остро слабительной: „Баталинской“, „Смирновской“ и прочей. Бутылочки без ярлычков, конечно... Чувствую, что улучшение начинает вылезать не только боком.

16 июля. — За улучшение быта в спешном порядке взялось управление гостиницы (ныне общежития). Оно обнаружило, что и-те-эровцы много расходуют воды на умывание, особенно после работы. Управление слушало и постановило: ликвидировать краны в уборных, заменив их приспособлениями, которые воду пропускают с трудом и в небольших порциях. Ходим грязные третий день.

19 июля. — Зав. столовой позави-

довал удачному ходу управления общежития по улучшению быта и провел реформу: раньше в „пик-часы“, то-есть в обеденный перерыв и сразу же по окончании занятий в столовой, создавались очереди к местам за столами. Сейчас это ликвидировано: очереди установлены в грязной (только сейчас и заметили, что она грязная!) и темной передней перед столовой. Выдают железные номерки.

20 июля. — Управление обещает в целях улучшения быта ликвидировать все уборные в общежитии и окна заделать решетками.

ДЕНЬ БЕЗ ЧИСЛА. — Сажу в трепете и жду. Управление общежитием такое — оно все может!

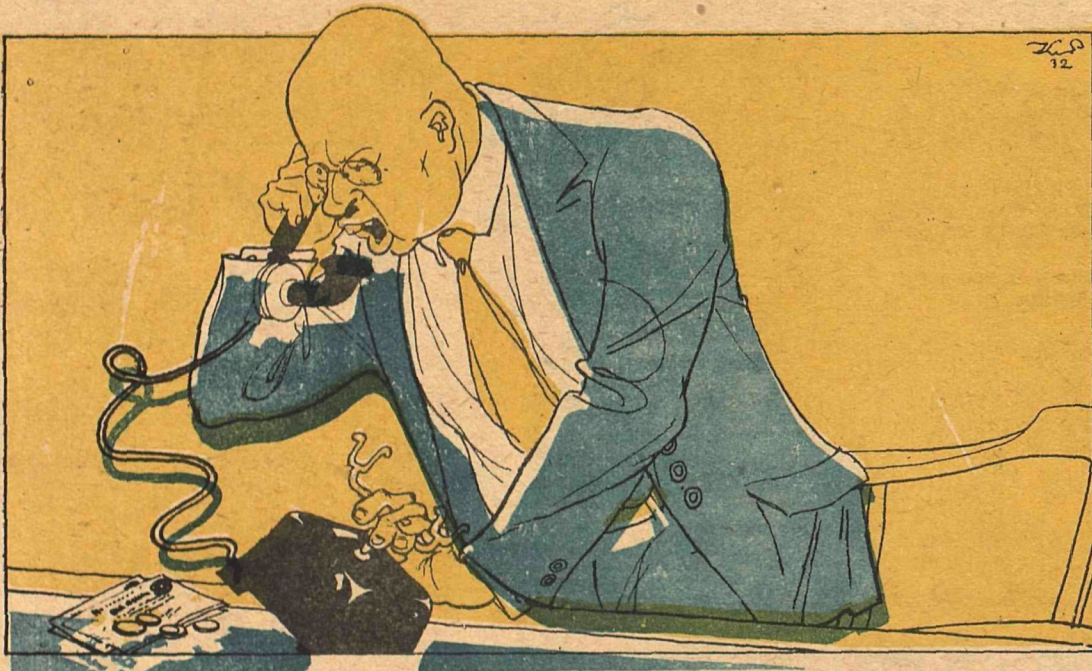
В. Павлов.

КРОКНОР! МЕЛОЧИ БЫТА ЗАТРОНЬ В ОТДЕЛЕ „БЕГЛЫЙ ОГОНЬ“

К. Елисеев

— Что?.. Потеряли при уборке тысячу центнеров зерна? Пустяки! Наверстаем в следующем году.

— Как?! Алло!.. Говорите громче!.. Ка-ак?! Опять у меня вычли из жалования 1 р. 80 коп.?! Безобразие. Я не позволю! Немедленно принять меры! Выявить виновников! Не потерплю!

„ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА“

(Песенка в 3 объявлениях)

1

Был май тогда едва вначале,
Едва рядил кусты в листву, —
В тот день два поезда примчали
Их из провинции в Москву.
И вскоре
В конторе
„Вечерней Москвы“,
Еще говоря друг с другом на „вы“,
Но с минутой каждой друг другу знакомее,
И весной трепеща,
Они дали сообща
Объявление — из экономии.
И в „Вечерней Москве“ nonпарелью на шпонах
Строчки четко сверкали билетом в окне:

ДВУМ привезим ДВЕ комнаты в разных районах НУЖНЫ по доступной цене.

2

Кто не знал Москвы в июле?
Смешенье стилей и веков,
И небеса в лиловом тюле
Послезакатных облаков.
Легко ли,
Без боли
Гуляя вдвоем,
Когда сердце в груди поет соловьем
И беседа струится без имени-отчества, —
Не пылать, не дрожать,
Не желать избежать
Незаслуженных мук одиночества?
И в „Вечерней Москве“ nonпарелью на шпонах
Строчки весело пели про страсть и весну:

ПРЕДЛАГАЕМ две комнаты в разных районах В ОБМЕН НА БОЛЬШУЮ ОДНУ.

3

Но даже пыл энтузиаста
Подвержен бренности земной:
Декабрьский ветер студит часто,
Что разжигал июльский зной
Привычки
И стычки,
Несходство натур...
И вот небосклон по-зимнему хмур,
И нельзя не заплакать и хочется каяться:
Ну, сболтнул человек...
Ведь нельзя же весь век
За ошибку невольную маяться?
И в „Вечерней Москве“ nonпарелью на шпонах
Строчки сухо твердили про чью-то вину:

СПЕШНО ИЩУТ две комнаты в разных районах В ОБМЕН НА БОЛЬШУЮ ОДНУ.

А. д'Актиль.

АРХИВ „КРОКОДИЛА“

УЧЕТ ГЛУПОСТИ

Общезвестна слабость некоторых наших администраторов: подписывая документ, они смотрят не в текст, а любуются на свой титул (полностью и правилен ли он) и на свою подпись (достаточно ли она неразборчива).

Поэтому выходят в свет такие документы:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано гр-ну ОГРЫЗКОВУ в том, что он действительно состоит на службе КОВДА Лесозавод № 46 „КАРЕЛАЕС“, в каком году и по какое время неизвестно.
Дано для представления по случаю смерти.

Пом. директора по труду В. СИНЦОВ.
Зав личным столом Е. ГНЕВАШЕВ.

Выдача удостоверений личности умершим не так уже ново, но все же достаточно глупо.

В данном случае новостью является своеобразный своей краткостью учет движения рабочей силы.

Например: когда принят рабочий на завод, — не знаем; когда

уволен, — см. первую графу; что делают Синцов и Гневашев, — см. вторую графу.

КОРОТКО О СЕБЕ

Выдача самому себе справок — довольно частое явление и обычно увязывается с использованием своего служебного положения. Приводимая ниже справка имеет деловой характер:

ЗАВОДСКИЙ КОМИТЕТ
МИНЕРАЛОВОДСКОГО СТЕКОЛЬНОГО
ЗАВОДА

СПРАВКА

Дана настоящая БОНДАРЕНКО Николаю в том, что он действительно подавал заявления в союз в сменную ячейку № 4, но заседание не собиралось, и по этому Бондаренко до сих пор не принят в союз. А также сменному секретарю некогда было созвать заседание.

Председкома № 4 ГАЗИН

Как видите, справка коротка, бескорыстна и деловита: местком № 4 груши околичивает.

ВЯЯ встреча с директором птицеводческого хозяйства „Бесптичное“ Губикуровым произвела на меня неизгладимое впечатление.

От Губикурова веяло второй молодостью, несокрушимой верой в свои силы и неиссякаемой энергией.

— Понимаешь, какое дело! — радостно сообщил он, — половина кур больна насморком!

— Чему же тут радоваться? — наивно удивился я.

Губикуров скользнул по мне взглядом, выразившим полупрезрительное снисхождение.

— А отчего они заболели? Ну-ка, скажи мне, отчего они заболели? — Он выдержал паузу и швырнул бомбой. — От ветра, от стужи. Мы их, понимаешь, гулять выгоняли в ветер. Теперь доподлинно выяснено, что на холодном ветру курица очень просто может заболеть и даже, стерва, издохнуть.

— Мне помнится, это выяснено еще при царе Горохе. Об этом го-

ворится в любой книге по птицеводству. то знает любой спец—птицевод-практик.

— То — книга, то — спец, а тут — собственный опыт в широком масштабе. У нас — новое дело, нам — учиться и учиться. На практике учиться. На ошибках.

В следующую нашу встречу Губикуров сообщил с прежней веселостью:

— Понимаешь, какое дело: за последнюю декаду яйценоскость снизилась вчетверо. Почему? С кормами большие перебои. Ну и с водой плохо: по суткам птица без воды остается. Опыт показывает, что без кормов и без питья куры слабнут и даже, гады, падают. Факт!

Через месяц Губикуров ликовал: — Сквозняки в птичниках так и свишут. До костей, можно сказать, пронзают. А отчего? Оттого, что построенные птичники из сырого леса. Трещина трещиной подпоясана. Опыт показывает, что материал для

птичников надо брать доброкачественный.

Через две декады восхищенно, будто радуясь находке:

— Ну, теперь-то мы досконально на практике убедились, что это за штука — теснота! В брудергаузах цыплята мрут, как мухи. Опыт показывает, что если цыплят набить в брудергауз до крыши да еще умять, — очень они в скученности этой пострадать могут.

Губикуров неустанно, настойчиво накапливал опыт. Холмики из куриных трупов накапливались в тамбурах коммунальников и брудергаузов, сваливались на птичье кладбище. Губикуров на практике убеждался в несостоятельности дырявых перегородок, в выгулах и худых крышах в птичниках, в необходимости иметь для птицы хорошую подстилку и следить за чистотой в помещениях, не выпускать птицу под ливень и град, немедленно отделять больную от здоровой и т. д.

Опыт разрастался и вширь и вглубь трещавшего по всем швам хозяйства. И Губикуров, подытоживая свои практические знания, восклицал гордо:

— Богатеем!.. Опытom богатеem!!! Со всех сторон дело собственными руками прощупываем. Промахи? Без промахов нельзя. — И заключил заученной скороговоркой. — Дело наше молодое, на ошибках учимся, ошибок бояться нечего, опыт — та же валюта.

— Скажите, — спросил я богача-директора, — во что вам курица обходится?

Он самодовольно забарабанил пальцами по столу.

— Ну, в этом отношении мы — вне конкуренции. В Молочном гиганте себестоимость коровы в среднем втрое выше. В Свиноводстве обыкновенная свинья стоит вдвое дороже, чем у нас чистопородный петух. Мы — вне конкуренции!

Н. Колоколов.

Виды в бок

В. Козлинский

НОВОСТИ „СЕЗОНА“

Контора снабжения сельскохозяйственного управления МОСПО разослала коопхозам горпо Зеленого города (Северная ж. д.) и ЗРК Красной поляны (Савеловская ж. д.) отношения следующего содержания:

- „Контора... может предложить вам к уборочной кампании следующие товары:
- 1. Сани-дровни 32 р. за шт.
 - 2. „ ломовые 53 р. 50 к. „
 - 3. Подсанки 13 р. 90 к. „

Что скажешь о таких попечителях: какие сани, такие и сами.

ГОСИЗДАТСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Что такое фабрика мяса. Об этом вам подробно сообщит огизовский календарь.

„Фабрика мяса — это большой свиноводческий совхоз. На таких фабриках много больших свинных домов, — целые города. В большом корыте купают поросят. Поросяток шалит, дрыгает ножкой, его поливают теплой водой. Поросята любят купаться“.

Идиллический поросенок Огиза, видимо, „дрыгает ножкой“ не вполне беспредметно.

Этой самой ножкой он, очевидно, пишет также и заметки на обороте огизовских календарных листков.

НА НАДЛЕЖАЩЕЕ МЕСТО

Председатель колхоза им. Ворошилова (с. Покровка, приморье ДВК) Рыбачка избил колхозницу Цыбину и, за то, что Цыбина вошла к нему в дом приложить печать к справке.

„Я никому не позволю, чтобы мой дом превратился в какую-нибудь канцелярию“.

Рыбачка сам признается, что место его не в канцелярии, а на сцене: в „Ревизоре“ — в роли Держиморды.

ОРГАНИЗОВАННЫМ ЛАФА

Эти правила утверждены Самарским горсоветом и вывешены на дебаркадере «Самкомтранса».

Правила как правила. Пункт 5-й в них гласит:

„Воспрещается курить на судне и дебаркадере, плевать, грызть семечки, пить и играть на музыкальных инструментах и вообще производить какой-либо шум.“

ПРЕМЕЧАНИЕ: Этот пункт не распространяется на организованные экскурсии, которые имеют на это разрешение“.

Председателя Самарского горсовета по этому поводу спросили:

— Вы эти правила читали?

— Где уж читать! — вздохнул председатель. — Даже подписывать не успеваешь..

ВОДНЫЕ ЗАГОТОВКИ

Трест коммунальных предприятий г. Буйнакск, решив строить новый водопровод, запросил следующие сведения от местного Горга:

- „2. О потребном количестве воды во второй пятилетке.
- 3. О потребном количестве воды через 15 лет.
- 4. Имеются ли требования со стороны пожарной охраны о необходимом пожарном напоре“.

Отвечаем за Горт по пункту 4-му: срочно требуется большой пожарный напор для того, чтобы привести в чувство „заготовителей“ треста.

НЕ РАЗБАЗАРИВАЙТЕ СКИПИДАР

Дагестанский промсоюз несколько раз обращался в Сев.-кавказский леспромсоюз с просьбой об отпуске 200 метров клеенки, так как из-за отсутствия клеенки более месяца бездействовали обойные цехи мебельных артелей.

Севкавлеспромсоюз молчал. Дагпромсоюз послал агента, который на складах Севкавлеспромсоюза, к удивлению его руководителей, обнаружил большое количество нужной клеенки.

Затем Дагпромсоюзу потребовались обойные гвозди, и в ответ на его просьбу о высылке 2 ящиков Севкавлеспромсоюз любезно предложил... скипидару.

Еще Кузьма Прутков говорил: „И терпентин на что-нибудь способен!“ Видимо, не зная этого афоризма, работники Севкавлеспромсоюза направо и налево предлагают этот самый терпентин, сиречь скипидар. А, по совести говоря, им-то он больше всех и требуется!

ПРОДАВЕЦ: — Вот, говорят, учитесь торговать культурно. А по какому учебнику? По какой книге?

ПОТРЕБИТЕЛЬ: — Лучше всего по жалобной.

АРХИВ
5 I - СЕН 1932
Г. Ц. К. П.

Ю. Ганф

— Хорошо Вильгельму. Ему работенка обеспечена. У него, дьявола, большая протекция — записка от самого Гитлера.